

Хелен Либерти

Мы, которых
не было

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хелен Либерти

Мы, которых не было

Серия «Несовместимы», книга 1

<https://litres.ru/74025411>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет назад Милена оборвала переписку с парнем, которого успела полюбить, так и не увидев его вживую. Без объяснений. Без шанса на «потом».

Она — студентка психологического факультета, живущая обычной жизнью.

Он — человек, в чьих руках власть и деньги, глава московской криминальной империи, привыкший получать все, что захочет.

Их встреча не должна была случиться. Но судьба распорядилась иначе.

Прошлое, которое существовало лишь в сообщениях и ночных разговорах, внезапно становится реальностью. Невысказанные чувства, нераскрытые причины и боль, которую так и не удалось пережить, сталкиваются в настоящем — там, где больше нельзя прятаться за экраном.

Это история о любви, которая началась в переписке, но так и не успела стать жизнью.

О том, можно ли вернуть то, чего, по сути, никогда не было.

Содержание

Глава	4
Плейлист	6
Пролог	7
Глава 1	15
Глава 2	29
Глава 3	55
Глава 4	66
Глава 5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мы, которых не было

Глава

Предупреждение:

Данная книга является художественным произведением. Все персонажи, события и диалоги являются плодом авторского воображения. Любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны.

В книге присутствуют:

- нецензурная лексика;
- сцены насилия;
- упоминание алкоголя;
- упоминание наркотических веществ;
- криминальная деятельность;
- похищение;
- откровенные романтические сцены;

Книга не пропагандирует употребление алкоголя, наркотических веществ, насилие, противоправные действия или токсичные отношения. Все действия персонажей являются частью художественного сюжета и не отражают позицию автора.

Рекомендуемый возраст: 18+.

Если некоторые из перечисленных тем могут быть для

вас триггерными, пожалуйста, учитывайте это перед началом чтения.

Приятного чтения.

Посвящается тем, кто однажды потерял свою любовь.

Но помните, если чувства настоящие — расстояние и время не имеют значение.

Плейлист

Помню — JONY

Одинокaя — JONY

Лифт — TPOPIKANA

Беги — Вячеслав Макаров

He чувствую — Dohakaб

Рикошет — TRITIA

Отпускай — ЭГОИСТКА

Если бы я мог Live — Сергей Лазарев

Стоять — ASHИHMIN

Тебя любила — Nariana

К тебе — ZIYIXI

Вулканы — IVAN

Ты знаешь — Dohakaб

Снег — Dohakaб

He потерять — АТМА

Я найду тебя — BORYSTAS

Целую тебя наугад — Группа 888

He Прислоняться — D.R.F.V.

Пролог

САША

Краснодар

13.04.2018

(Настоящее время)

— Ты, блядь, серьезно? — слова срываются с губ.

Я смотрю и не могу до конца поверить, что она стоит передо мной. Это не очередная картинка в голове.

Живая. Настоящая.

На расстоянии вытянутой руки. Передо мной стояла девушка из моих воспоминаний.

Она рядом. Та, которую я хотел видеть каждый день. Та, с которой собирался строить будущее. Та, которая просто взяла и исчезла из моей жизни.

И она... психолог моего племянника.

Вот это судьба, конечно, решила поиздеваться. На секунду ловлю себя на мысли, что, может, я просто поехал головой. Или Стас в зале так зарядил, что меня до сих пор не отпускает.

Потому что, то, что я сейчас вижу... слишком нереально, чтобы быть правдой.

— Саша... как? Что ты здесь делаешь? — ее голос дрожит.

Она говорит шепотом, как будто боится моей реакции.

— Что я здесь делаю? — усмехаюсь, делая шаг к ней. —

Начнем с того, что он мой племянник. — киваю в сторону Антона. — Я приехал его проведать. Познакомиться с новым психологом. Старого Даша уволила, потому что тот ни хрена не справлялся.

Делаю еще шаг. Останавливаюсь почти вплотную.

— Позавчера она позвонила, сказала, что нашла толкового специалиста. Студентка, которая идет на красный диплом. Есть опыт, с детьми уже работает, прекрасные рекомендации.

Смотрю ей прямо в глаза.

— И здесь возникает встречный вопрос. Что ты здесь делаешь?

В моем голосе прорывается настоящая агрессия. Я слышу это и чувствую, как начинаю терять контроль. Все закипает, поднимается тяжелой, горячей волной, которая вот-вот вырвется наружу.

Смотрит почти безразлично. Почти. Но я ловлю этот короткий, острый всплеск злости в ее зеленых глазах. На долю секунды маска слетает, и я вижу — задевает. Еще как задевает.

Значит, не все равно. Значит, я все еще могу пробить эту ледяную стену.

«Думает, что я окончательно съехал с катушек», — мелькает у меня в голове. И, черт, возможно, она права.

Я поехал. Давно. Полностью. Я в таком ахуе, в каком не был никогда в жизни. За почти двадцать шесть лет ни одна

женщина не выбивала меня из колеи так, как эта зеленоглазая бестия. Никто не мог так легко залезть под кожу, залезть прямо в душу и перевернуть одним только взглядом, одним словом, одним своим присутствием, но у нее это получилось в два счета.

Она стоит передо мной. После всего, что было. После пяти лет. После того как сбежала. Без единого объяснения. Без шанса на разговор. Просто исчезла, нажала кнопку «удалить» — и меня не стало в ее жизни. Стерла, как ненужный файл.

И я не знаю — хочется придушить ее или просто обнять так крепко, чтобы, наконец, почувствовать: это правда она.

— Я пришла работать с Антоном, — говорит она, глядя мне прямо в глаза. — Теперь он мой пациент. Мы будем работать с его речью. Если бы я знала, что он твой племянник... — короткая пауза. — Нет. Все равно бы пришла. Между нами ничего такого не было, чтобы о чем-то переживать, — небрежно пожимает плечами.

Ничего не было?

Я думал, у моей злости есть предел, но Милена сейчас с легкостью доказывает обратное. Как она может говорить это так спокойно и ровно? Словно мы просто знакомые. Словно никогда не было тех ночных переписок, в которых мы жили месяцами.

— А ты, словно не знала, что Антон — сын Даши, — я делаю шаг ближе, медленно скольжу глазами по ее лицу, не

скрывая презрения. — Вы ведь были чуть ли не лучшими подругами. Хотя... какая из тебя подруга?

Она упрямо выдерживает мой взгляд

— Ты ушла в закат. Никому ничего не объяснила. Просто растворилась. А теперь стоишь здесь и заявляешь, что, между нами, ничего не было, — из меня вырывается яростный рык. — Ты серьезно?

Я натыкаюсь на огромные, удивленные голубые глаза Антошки.

Странно, но каждый раз, когда вижу эти глаза, у меня появляется странное чувство. У Дашки — ярко-зеленые, у его отца — темно-карие, почти черные. А у малыша — чистые, светло-голубые. Генетика решила пошутить и вытащила что-то из дальних родственников.

— Антош, извини — выдыхаю я и опускаюсь перед ним на корточки. Беру его маленькие ладошки в свои. — Дядя просто немного зол. Но не на тебя, понял?

Он мгновенно тянется ко мне и крепко обхватывает руками за шею, прижимаясь всем тельцем. Я автоматически обнимаю его в ответ.

— Саш... давай поговорим позже, — тихо говорит Милена. — Сейчас не место и не время. Нам с Антоном нужно заниматься.

Я медленно поднимаюсь и пристально смотрю на нее.

— Хорошо, — выдыхаю тяжело. — Мы поговорим. Но только о состоянии Антона и о том, как ты вообще сюда по-

пала. Об остальном... даже слышать не хочу. Как ты сказала? Между нами ничего не было.

Разворачиваюсь, выхожу из комнаты и закрываю за собой дверь. Ноги сразу становятся ватными. Я буквально сползаю спиной по стене вниз, пока не сажусь на пол. Руки сами тянутся к волосам, пальцы впиваются в кожу головы, сжимаю сильнее, пытаюсь удержать мысли, которые разлетаются в разные стороны.

В голове полный хаос. Не просто бардак — настоящая мясорубка из злости, боли, воспоминаний и всего того, что я, оказывается, так и не смог забыть. Меня выбивает начисто. Я вообще не понимаю, как себя вести, что говорить и что, блять, делать дальше.

В Москве все было проще. Четкая схема: захотел — пошел с пацанами, напился, вырубился, утром собрал себя и дальше по делам. Не помогло — в зал, убился на тренировке, разбил кулаки о грушу, выбил из себя все дерьмо. Или ушел в работу с головой.

А здесь... чужой город, дом сестры, и за этой дверью — она.

Мой зеленоглазик.

Та, из-за которой я когда-то себя похоронил.

Мне казалось, что все прошло. Я это пережил. Переболел. Ну подумаешь, переписка. Ага... подумаешь. Влюбился, как последний дурак по этой переписке. Любил так, что воздуха не хватало. До одури. До безумия.

Да почему «любил»?

Люблю. До сих пор.

Кому скажи — не поверят. Пацаны точно подумают, что из ума выжил, когда узнают, кого я здесь встретил.

С одной стороны, меня накрывает жгучая злость. На нее. На себя. На всю эту долбаную ситуацию. С другой — она здесь. Настоящая. Не в переписке, не в воспоминаниях, а в реальности.

Судьба — та еще сука. Но, похоже, сегодня она решила поиграть на моей стороне. Только я пока не понимаю, что с этим делать. Как с ней разговаривать? Как вообще на нее смотреть и не сорваться?

За те несколько минут, что мы провели в комнате Антона, я успел немного рассмотреть ее. Красивая. Очень красивая. И эти ярко-зеленые глаза... Стоило мне только встретиться с ними взглядом — меня затянуло туда так же быстро, как пять лет назад.

Только теперь этот оттенок был другим.

У нее всегда была интересная особенность: ее глаза меняют оттенок в зависимости от настроения. Когда ей плохо, они бледнеют и становятся почти прозрачными. А когда она по-настоящему счастлива — приобретают глубокий и богатый изумрудный цвет.

Милена сильно изменилась. Это бросается в глаза сразу. Волосы отросли и теперь красивыми мягкими локонами падают на плечи. Раньше они были светло-русыми и прямыми,

а теперь настоящая блондинка, как она и мечтала. Черты лица стали четче, скулы выделяются, взгляд стал твердым. В нем уже нет той детской наивности. Теперь там осознанность и внутренняя сила.

Она уже не та семнадцатилетняя девчонка, которую я знал по фотографиям и ночными перепискам. Милена стала настоящей женщиной. Собранная. Уверенная. И даже несмотря на все эти изменения — это все равно она. Мой зеленоглазик. Та, от которой меня когда-то накрыло с головой. И, похоже, до сих пор не отпустило.

— *М-да, Соколов...* — бормочу я, проводя ладонями по лицу. — *Совсем не так ты представлял вашу первую встречу.*

В мечтах все было совсем по-другому.

Она бежит ко мне с сияющей улыбкой, без оглядки, без тормозов. Запрыгивает, обвивая ногами мою талию, а я подхватываю ее, крепко прижимаю к себе и кружу. Мы смеемся так, словно весь мир вокруг растворился и остались только мы вдвоем. А потом — тот самый долгожданный первый поцелуй, который я сотни раз прокручивал в голове и бережно хранил в сердце.

А в реальности...

Она стоит и смотрит на меня, как на чужого. И от этого ощущение, что между нами и правда ничего не было.

Дверь внезапно открывается. Я едва не заваливаюсь назад. Черт. Сколько я вообще тут просидел?

Поднимаю голову. Милена смотрит на меня сверху вниз. Без лишних эмоций. Холодно. Ровно. И от этого тяжесть только сильнее оседает под ребрами, не давая нормально вдохнуть.

— Мы теперь можем поговорить, — произносит она ледяным, отстраненным тоном.

Глава 1

МИЛЕНА, 17 лет

Ногинск

13.04.2013

(Прошрое)

Шесть утра, понедельник. Будильник орет уже пятый раз, а я все никак не могу оторвать свою пятую точку от кровати. Утро — это вообще мое личное проклятие. Особенно после того, как мы с Дашкой вчера до двух ночи фанфик^[1] писали. В итоге спала от силы часа четыре. Организм теперь требует холодного душа и литра кофе, иначе я сегодня точно буду зомби.

— Милена! Вставай! Ты в школу опоздаешь! — доносится мамин крик из кухни. Она включает свой коронный режим «будильник-терминатор».

— Да, мам, встаю... — отвечаю я таким трагичным голосом, будто меня на каторгу гонят.

Мама у меня вообще сверхчеловек. Просыпается раньше всех, уже на ногах и полна энергии. Работает бухгалтером в московской клинике, поэтому ее утро — это вечная гонка. Мы живем в Ногинске, в самой жопе Московской области. Чтобы добраться до Москвы, нужно либо обладать суперспособностями, либо продать душу. Пробки здесь вечные, и ни-

кто не знает почему. Даже местные.

— Милена! Ты точно опоздаешь! — снова кричит она.

Я закатываю глаза так сильно, что они чуть не застревают. С трудом стаскиваю себя с кровати. Делаю шаг — и сразу цепляюсь за край ковра, едва не падаю, хватаюсь за тумбочку. Отличное начало дня. Чувствую себя так, словно по мне ночью танковый батальон проехал.

«Больше никаких ночных посиделок, Милена. Ты себя угробишь раньше экзаменов.»

В ванной холодный пол обжигает ступни. Я морщусь, но все равно иду к душевой. Включаю воду. Ледяная струя бьет по коже, и первые секунды хочется заорать и выскочить. Но я стою. Закусываю губу и терплю. Постепенно тело просыпается, дыхание выравнивается, мозг начинает работать.

Наклоняюсь под воду и подставляю лицо под ледяные струи. Холод моментально обжигает кожу, пробегает мурашками по шее, плечам и спине. В первые секунды дыхание перехватывает, тело инстинктивно напрягается, но я не отхожу.

Стою, считая про себя.

Раз... два... три... четыре...

Постепенно холод перестает быть шоком и становится бодрящим. Голова светлеет, сонная тяжесть уходит из тела, мысли начинают собираться. Вода стекает по лицу, закрытым глазам, волосам. Я медленно провожу ладонями по щекам и шее, смывая остатки усталости. Задерживаюсь еще

немного, наслаждаясь этим резким, освежающим ощущением. Выключаю воду и глубоко выдыхаю. Внезапно меня накрывает странное ощущение — сегодня точно что-то произойдет.

Так, Ушакова, не накручивай себя зря, — одергиваю себя мысленно.

Вытираюсь, выхожу из ванной и направляюсь к шкафу. В школе у нас свободный дресс-код, поэтому можно одеваться как угодно, в пределах разумного. Чтобы понять, в чем сегодня идти, выглядываю в окно. Картина снаружи совсем не радует: густой туман, серое небо, ветер злобно дергает ветки деревьев, словно хочет что-то оторвать. И, судя по прогнозу, еще и дождь обещали. М-да... О теплой весне пока можно только мечтать. Юбку я сразу отметаю. Сегодня точно будут джинсы и свитер.

Останавливаюсь на проверенном варианте. Натягиваю светло-розовый удлиненный свитер и черные джинсы-скинни. Джинсы сидят идеально, подчеркивают фигуру, а свитер мягкий и уютный — то, что нужно в такую погоду. Образ дополняю бижутерией: подвеска-цветок и серьги в комплекте, подарок от родителей. В них есть какая-то изысканная простота, и к свитеру они подходят идеально.

Волосы у меня светло-русые, прямые, как у большинства. Мама говорит, что их цвет — мечта любой девушки, а я считаю их обычными. После школы хочу немного осветлить, чтобы смотрелись эффектнее. Прямые волосы не люблю. Ви-

сят, как сосульки, и раздражают. Поэтому почти всегда делаю крупные локоны — они добавляют объем и сразу оживляют образ. Сегодня не исключение. Завиваю пряди, наблюдая, как они становятся пышными и легкими.

Макияж минимальный: тонкие стрелки, аккуратно подкрученные ресницы и прозрачный блеск для губ. Смотрю на свое отражение и остаюсь довольна. Для своих семнадцати выгляжу вполне нормально. До «королевы школы» далеко, но главное — я чувствую себя уверенно.

Собравшись, иду на кухню. Мама уже у плиты, готовит завтрак. Вот как она все успевает? На кухне тихо шипит сковорода, закипает чайник, наполняя пространство тонким писком. Из окна тянется мягкий утренний свет, падает на стол, где уже стоит тарелка с яичницей и кружка с напитком богов.

— Доброе утро, мамуль. А где папа и Тема? — целую ее в щеку и сажусь за стол.

— Доброе. Папу срочно вызвали. Ты же знаешь его начальника, — мама морщится.

Она терпеть не может папину работу. Он персональный водитель у какой-то важной московской шишки. Никакого нормального графика: один звонок — и папа уже уезжает.

— Вот чего этому буржую не сидится? У Вити сегодня выходной должен быть! — ворчит мама, едва не швыряя лопатку в раковину, но быстро берет себя в руки.

— Да ладно, мам, не злись. Зато платят хорошо, вы ипо-

теку закрыли. А Тема, что ли, еще спит? — перевозжу тему, подтягивая кружку кофе.

— Да. Ему ко второму. И у него опять проблемы в школе, — вздыхает, садится рядом. — Классная уже весь телефон оборвала. Подрался с одноклассником, нос тому разбил. Хорошо, родители не стали раздувать, тот сам виноват...

Она замолкает на секунду, собирается с мыслями.

— Но ее волнует, что он слишком резко реагирует. Постоянно лезет в драки. Нужно что-то с этим делать. — Поднимает на меня взгляд. — Поговоришь с ним? Тебя он хотя бы слушает.

С Темой у нас бывает по-разному, но общий язык мы все равно находим. Он младше, и иногда кажется, что к нему относятся мягче, берегут сильнее, поэтому и спрос с него другой. Раньше меня это цепляло, сейчас уже нет.

— Хорошо, поговорю вечером, — отвечаю.

Если честно, не очень представляю, что ему сказать, чтобы он перестал махать кулаками. Но попробую. Он занимается рукопашной борьбой и слишком остро реагирует на любую несправедливость — стоит кому-то задеть слабого, и он уже влезает, не думая о последствиях. Для него это не просто драка, а будто обязанность защитить, и все, чему его учат на тренировках, он без раздумий применяет в жизни. Скорее всего, опять за кого-то впрягся — первым он редко лезет.

— А у тебя как дела? Как подготовка к экзаменам? — спрашивает мама, поправляя мне прядь волос.

— Все нормально. Готовлюсь. Хочу сдать на высокий балл и поступить на бюджет.

— Дай бог. Ты у меня умничка, — она улыбается так тепло, что внутри сразу становится спокойно, как в детстве.

Мы еще немного болтаем. Я рассказываю, что мы с Дашей снова засиделись допоздна, за это получаю привычную порцию нравоучений. Мама не ругает, скорее ворчит, как сейчас. В очередной раз предлагает подумать об издательском деле, уверена, что у меня талант. Но я в своем выборе не сомневаюсь. Фанфики — это хобби. Психология — моя жизнь.

На часах 8:05. Пора бежать. Мы заболтались — уже обе опаздываем. Хорошо, что школа в пятнадцати минутах ходьбы.

В коридоре уже начинается привычная утренняя суета. Мама на ходу ищет ключи, я быстро натягиваю кроссовки, мельком проверяю себя в зеркале и закидываю рюкзак на плечо. Накидываю любимую кожанку и выхожу следом.

— Давай быстрее, — бросает мама, уже открывая дверь.

— Иду, — бурчу я, хватая телефон.

На улице прохладно, воздух свежий и бодрящий. Двор уже ожил: кто-то спешит на работу, кто-то ведет детей в садик, машины одна за другой выезжают с парковки. Идем быстро, почти не разговаривая — каждая в своих мыслях.

На перекрестке мы, как всегда, расходимся: мама идет дальше к автобусной остановке, а я сворачиваю налево — в сторону школы. По дороге я мысленно проклиная шко-

ду всеми известными способами. Ненавижу это место всем сердцем. Ранние подъемы, вечные задания, учителя со своими заморочками, одноклассники, от которых иногда хочется сбежать куда-нибудь подальше. У меня там нет подруг. Вообще. Я не вписываюсь.

В нашем классе почти все живут вечеринками, алкоголем и разговорами про секс. Выпускной класс, а половина уже успела переспать друг с другом. Их интересует только, кто с кем встречается, очередные расставания и то, как кто-нибудь снова напился в пятницу.

Мне это все чуждо. Наверное, поэтому я и не понимаю всего этого вокруг. Для них отношения — просто игра: сегодня один, завтра другой, главное, чтобы не было скучно.

Я не ханжа, но для меня это работает совсем иначе. Я считаю, что встречаться нужно по любви, а не просто чтобы было с кем. Да и сейчас мне это вообще не нужно.

У меня есть цель — уехать в Краснодар. Поступить на психолога-логопеда и работать с детьми. В детстве я не играла в куклы и «дочки-матери». Я брала всех своих кукол, сажала в ряд и «консультировала». Папа тогда переживал, думал, со мной что-то не так, даже хотел отвести к психологу. Спасибо маме — она его отговорила.

И чтобы осуществить свою мечту, я пашу в школе как папа Карло. Нужно сдать биологию, русский и обществознание на высокий балл. Моя цель — бюджет. Не хочу, чтобы родителям приходилось платить еще и за учебу.

По остальным предметам у меня более или менее стабильно, а вот биология — мой личный кошмар. Сколько ни учу, в самый ответственный момент что-то обязательно вылетает из головы.

Поэтому все эти тусовки, гулянки и отношения — мимо. Сейчас не до этого. За своими мыслями я не замечаю, как дохожу до школы. Привычный серый фасад, толпа у входа: кто-то курит за углом, кто-то громко ржет, обсуждая очередную вечеринку. Все, как всегда.

Смотрю на часы — еще десять минут есть. Можно успеть проверить дополнительную домашку по биологии. Захожу в класс. Почти никого нет, и это радует. Занимаю свое привычное место на последней парте. Не люблю, когда кто-то сидит за спиной и дышит в затылок. Да и от большинства одноклассников лучше держаться подальше.

Достаю учебник и тетрадь, собираюсь проверить задания, но мои планы тут же рушит Анька — местная «королева» класса.

— Милен, пойдешь с нами на вечеринку в выходные? — она вальяжно опирается на мою парту, слишком близко, и душит меня своими сладкими духами. — Там будут московские парни, друзья Миши. Найдем тебе нормального бойфренда.

Перевожу внимание на нее и спокойно отвечаю

— Нет, спасибо. Ты же знаешь, я не по тусовкам. У меня репетиторы, готовлюсь к ЕГЭ.

— Ох, — театрально закатывает глаза Анька. — Так, всю молодость за книжками просидишь. Судьбу свою упустишь.

— Не переживай, моя судьба от меня не убежит. — отвечаю, пожимая плечами.

Ее цепляет мое равнодушие. Анька фыркает, поправляет волосы и уходит, бросив на меня последний оценивающий взгляд. Странная она. И зачем только подходила?

Дальше день проходит более или менее спокойно. Анька больше ко мне не подходит. По биологии получаю «пять». Анна Михайловна хвалит за дополнительную работу, говорит, что с таким рвением мне светит высокий балл. Вот бы мне хотя бы щепотку ее уверенности.

После школы захожу в любимую кофейню за ягодной тарталеткой и карамельным капучино. Это уже мой маленький ритуал — спокойный островок между школой и домом, где можно выдохнуть и просто побыть одной.

Внутри тепло, пахнет кофе и выпечкой, играет тихая музыка. Очередь небольшая, поэтому я спокойно стою, прокручивая в голове прошедший день.

Телефон вибрирует в руке. Пришло сообщение и, конечно же, от Дашки.

— Привет! Ты видела? У нас уже 300 подписчиков и 195 лайка! Я сейчас лопну от счастья!

Я невольно улыбаюсь, глядя в экран.

— Да ладно? Это же круто! Может, бросить психологию и все-таки идти в писатели?

Шучу, но Даша, кажется, воспринимает это всерьез.

— *А я тебе давно говорю! Поступили бы вместе на издательское, жили бы, гуляли... А то год знакомы, а видимся только через экран!*

С Дашей мы познакомились на фикбуке год назад. Сначала просто комментировали работы друг друга, потом начали переписываться. Три месяца назад решились написать совместную историю, и у нас уже появились постоянные читатели. Нам даже дали награду за высокий рейтинг.

Дашка — единственный человек, с кем я действительно общаюсь. По-настоящему. С ней можно говорить обо всем, без фильтров и притворства. Она не осудит, не высмеет, не скажет: «будь как все».

Ирония в том, что мы ни разу не виделись. Она в Москве, я в Ногинске — два часа езды. Мы могли бы спокойно встретиться, но мои родители слишком переживают, и у нас четкий уговор: пока не исполнится восемнадцать, никуда из города одной не уезжать. Как они меня потом собираются в Краснодар отпускать учиться — большой вопрос.

— *Солнце, ты же знаешь мой план... — пишу ей.*

— *Знаю-знаю. Ладно, как придеешь домой — спишемся.*

— *Оки-доки.*

Убираю телефон в карман и забираю заказ. На улице уже прохладнее, воздух влажный, тянет сыростью. Иду привычным маршрутом, не спеша, позволяя себе немного выдохнуть после школы. В голове все еще крутятся мысли — про

уроки, экзамены, разговор с Темой.

К половине пятого подхожу к дому и, поднимаясь по ступенькам, уже понимаю — Тема дома.

Из-за двери его комнаты доносятся резкие выкрики, гул выстрелов, нервные команды — он снова в мире виртуальных сражений. Голос напряженный, срывается на крик. В игре он как оголенный нерв: вспыхивает от малейшего промаха, не умеет замедлиться, перевести дух.

Точно так же и в жизни. Эмоции бьют через край, а сдержанность дается с трудом. Останавливаюсь у двери, слушаю этот шум и ловлю себя на мысли: может, в этих играх он ищет то, чего не хватает в реальности — возможность выплеснуть все разом, не контролируя себя.

Хочется зайти и поговорить, но сейчас в этом нет смысла. Он не услышит. Только разозлится еще сильнее из-за того, что его отвлекли.

Ладно. Отложу разговор на утро. Переодеваюсь, раскладываю учебники на столе. После ужина сразу сяду за уроки — на голодный желудок думать вообще не получается. Включаю компьютер и первым делом захожу на фикбук.

Дашка не соврала. Только читателей прибавилось и их уже 345. Красотища.

Захожу во «ВКонтакте», чтобы написать ей и вместе порадоваться. И вдруг уведомление: **«Александр Соколов хочет добавить вас в друзья».**

Секунда. И сразу следом сообщение:

— *Привет, зеленоглазик.*

Перечитываю имя. Александр Соколов.

Фамилия знакомая. Слишком знакомая. Открываю его профиль. Первое, что бросается в глаза — у нас один общий друг: **Дарья Соколова.**

Листаю страницу. Фото немного, но хватает, чтобы понять — не фейк. На аватарке парень с темными волосами и легкой, чуть насмешливой улыбкой. Глаза цвета шоколада, взгляд уверенный, цепкий. И фамилия та же. Соколов.

Сразу же пишу Дашке:

— *Ко мне здесь в друзья добавляется какой-то Александр Соколов. Это не твой брат?*

Ответ не заставляет себя долго ждать. Дашка отправляет сразу несколько сообщений.

— *ЧТО???*

— *ДА!*

— *Подожди... он тебе написал?*

Сейчас она точно себе что-то напридумывает.

— *Да. И добавился в друзья.*

Через пару секунд новое сообщение:

— *Мы сегодня как раз о тебе разговаривали. Он захотел убедиться, что ты не фейк, и я ему про тебя рассказывала.*

— *В каком смысле «убедиться»?*

— *Да он просто параноик немного. Не доверяет интернету. Сказал, хочет удостовериться, что ты реальный человек.*

Значит, он знает, кто я такая... Хм, интересно, зачем он добавился.

Снова открываю его профиль. Теперь уже внимательнее. Фото с друзьями, где он смеется — легко, открыто, без позерства. А вот снимок, где смотрит прямо в камеру цепляет, задерживается дольше, чем нужно.

И это немного сбивает. Перестаю смотреть в экран.

«Ну что за ерунда?» — думаю. — «Я не должна так реагировать на какого-то незнакомого парня...»

«Ну признай, он красавчик», — ехидно подкидывает внутренний голос.

Ладно. Если это брат Даши, он не просто так добавился. Нужно узнать, что ему нужно.

Возвращаюсь в диалог. Несколько секунд просто смотрю на экран, прокручивая в голове варианты. Как ему ответить? Написать что-то нейтральное? Сделать вид, что не зацепило?

Пишу. Стираю. Снова пишу.

И в итоге решаю не усложнять:

— *Зеленоглазик? А мы знакомы?*

Отправляю.

И только после этого понимаю, что сердце стучит быстрее, чем обычно.

Я откидываюсь на стуле и тяжело выдыхаю. Вот оно. То самое чувство, которое преследовало меня все утро. Я ведь знала, что сегодня что-то произойдет. И вот, пожалуйста — подтверждение.

^[1]Фанфик — это любительское произведение, созданное на основе уже существующей книги, фильма, сериала, игры или другой истории, в котором автор использует знакомых персонажей, мир или отдельные элементы оригинального произведения, развивая собственный сюжет.

Глава 2

САША, 20 лет

Москва

13.04.2013

(Прошрое)

Черт... Будильник орет уже десятый раз, будто хочет выдрать меня из сна и швырнуть лицом в эту гнилую реальность. Ту самую, от которой меня постоянно тошнит.

Надо вставать в универ. В эту гребаную ВШЭ, которую я ненавижу каждой клеткой своего тела. Отец постоянно твердит, что мне нужно образование, «чтобы занять его место, когда он уйдет на покой». Только под «покоем» он имеет в виду не пенсию. Он говорит о кладбище.

Отец умирает от рака легких. И я даже не удивлен. Всю жизнь курил, как паровоз. Мама умоляла бросить — бесполезно. Он и сейчас не бросает. Говорит: «Все равно одной ногой в могиле, какая уже разница».

Но самое отвратительное даже не это.

Самое хреновое, что после его смерти я должен стать главой самой крупной бандитской группировки Москвы. Некоторые называют это мафией, но это звучит слишком романтично. На деле все гораздо грязнее, тише и опаснее, чем в девяностых. Отец — самая крупная рыба в этой системе. И когда его не станет, эту роль придется взять мне.

Таков план. Только вот этого я совсем не хочу.

Моя мечта всегда была другой. Музыка. Год назад мы с пацанами собрали группу, и это единственное, отчего я до сих пор чувствую, что живу по-настоящему.

Кирюха — гитара.

Стас — клавиши.

Макс — барабаны.

Мы отлично дополняли друг друга: Кирюха задавал жесткий ритм, Стас добавлял глубину и настроение, Макс держал мощный бит, а я связывал все воедино — и басом, и голосом.

Сначала мы горели. Зависали на репетициях до ночи, спорили из-за каждой ноты, но получали настоящий кайф. Тогда казалось, что все возможно.

А потом быстро пришло понимание: нам этого просто не дадут. У каждого за спиной своя «реальность», от которой не сбежишь.

Иногда мы все еще собираемся в гараже у Кирюхи. Играем для себя. Без планов, целей — просто чтобы не сойти с ума. Но по факту это уже не группа. Так... баловство.

Мы с парнями в одной упряжке. Наши отцы — партнеры. Нас с детства растили не как сыновей, а как наследников. И всем нам рано или поздно придется занять их места. «Скоро наступит новая эра», — любят повторять наши родители с таким пафосом, будто собираются запустить ракету в космос. Слишком уверены, что мы станем сильнее и поднимем их чертов бизнес на новый уровень.

Только вот нас никто не спрашивал, хотим ли мы этого. Для них мы инвестиция. Проект, в который вложены годы, деньги и кровь.

Учеба у нас идет постоянно. И речь не про ВШЭ — она больше для отвода глаз. Настоящая учеба совсем другая. Нас учат убивать. Делать это холодно, расчетливо и без малейших сомнений. Учат ломать людей взглядом, словами, а если нужно — и руками. Учат, как правильно держать нож, чтобы жертва не успела даже вскрикнуть. Как смотреть в глаза человеку, которого ты только что отправил на тот свет, и не моргнуть.

Из нас лепят безжалостных монстров. Хладнокровных, расчетливых, готовых на все. Каждый день, каждый разговор, каждая «тренировка» — это новый винтик в этой машине. Нас ломают и собирают заново. Выбивают жалость, сомнения, человечность. Оставляют только то, что нужно для власти.

А мы... мы просто подчиняемся.

Мечты для нас — непозволительная роскошь. Иногда возникает ощущение, что я уже иду к точке невозврата. После которой ничего нельзя будет откатить назад. словно жизнь заканчивается, и дальше только черная полоса без пауз и передышек.

Дома, как всегда, тихо. Малая уже ушла в школу, мама по своим делам, оставив мне завтрак. Быстро закидываю еду, вызываю такси и выезжаю в универ. Машина моя в ремонте,

с водителем отца ехать не хочу, не нравится он мне, поэтому выбираю самый благоприятный для меня вариант.

Когда такси останавливается у главного входа, я расплачиваюсь и выхожу. На проходной меня уже ждут пацаны. Все трое — под два метра, как и я. Макс — вечно лохматый шатен с дурацкими кудрями, которые торчат в разные стороны, будто он только что из душа выскочил. Кирюха — светло-русый, патлатый, вечно взлохмаченный, пока рукой в воздухе риффы отбивает. А Стас — наоборот, весь такой гладкий, черный ежик, и даже пиджак сидит как броня. Но взгляд тяжелый, хоть к стенке прибивай.

— Сокол, с тобой все нормально? — Макс хлопает меня по плечу, ухмыляется. — А то выглядишь, будто уже похороны отгулял. Я, конечно, за любой движ, но давай не сегодня.

— Репетируем заранее, — бурчит Кирюха, не отвлекаясь от своих «невидимых» гитарных партий. — Чтобы без сюрпризов.

Я усмехаюсь краем губ.

— Смешно, аж обхохочешься! — отзывается Стас, но в голосе больше сухости, чем злости. — Макс, ты иногда хотя бы фильтруй. Хотя... нет, не надо, будет еще хуже.

— Погнали в аудиторию, — говорю я. — Сейчас пара у Петровича. Он, если опоздаем, мозг вынесет так, что наши отцы отдыхают.

— О да, — фыркает Макс. — Петрович — это отдельный

вид пытки. Нам бы его к баям отправить, пусть их построит.

— Он их на второй минуте в окно вышвырнет, — лениво бросает Кирюха.

— Или, наоборот, они его, — сухо добавляет Стас.

Мы разворачиваемся и идем через холл в корпус. Пацаны продолжают шутить и подкалывать друг друга всю дорогу. Я отвечаю коротко, через силу, почти не вникая.

Заходим в аудиторию и, как обычно, садимся на последний ряд.

В универе мы местные «звезды»: слишком уверенные в том, что нам все сойдет с рук. Ректор знает, кто мы такие, и лишний раз связываться с нами, а тем более с нашими родителями, — себе дороже. Мы не наглеем в открытую, но своим положением иногда пользуемся.

Однoгруппники вообще нам в рот заглядывают. Парни пытаются подмазаться, влиться, стать «своими». Девчонки — совсем по другому поводу тянутся. Для них всех мы парни с золотыми ложками во рту, но никто не знает, кто наши родители. Мы сынки богачеев. До момента, пока мы не встанем у руля, наше происхождение хорошо скрывают.

Иногда я не понимаю, как до сих пор никто не догадался, но считаю это к лучшему. По этой причине мы никого в наш круг не пускаем и постоянных отношений не заводим.

Раньше я позволял себе развлечься с какой-нибудь студенткой, но быстро понял, что это не мое. У них все слишком быстро переходит в планы и ожидания — быстрее, чем я

успеваю запомнить их фамилию. Чтобы выпустить пар, мне хватает случайных историй на одну ночь: без лишних разговоров и последствий. Это проще и не тянет за собой никаких обязательств. И у парней такая же политика.

Смотрю на пацанов.

Кирюха водит рукой в воздухе, сжимая в пальцах медиатор, перебирает невидимые струны.

Макс отбивает ритм пальцами по столу — уже на автомате и тихо насвистывает себе под нос. Стас сидит ровно, как по линейке, смотрит в окно, но по тому, как сжимается челюсть, ясно — он давно не здесь.

А я плююсь в пустой лист тетради.

И в какой-то момент четко понимаю: нас ждет ад.

— Парни... — зову их, не поднимая глаз. — Нам пиздец.

Макс перестает стучать пальцами.

— На нас наденут поводки, и мы будем исполнять команды, как собачки? — тихо спрашивает он, но даже здесь ухмыляется, будто не может до конца убрать свою привычку шутить.

— Макс, — резко одергиваю его. — План уже готов. Сегодня встреча с нашими отцами. Будут нам «передавать», — делаю кавычки в воздухе, — свои дела.

Кирюха выдыхает сквозь зубы.

— Охуенно. Даже диплом спокойно дописать не дадут.

— Я тебя умоляю, — хмыкает Макс. — Мы его все равно получим. Повесим в кабинете рядом с автоматом. Красиво

будет.

Только вот шутка не смешная и над нее никто не смеется. Стас наклоняется ко мне, голос ниже обычного.

— Слушай... а если свалить? Пока не поздно. Ты же понимаешь, если влезем — выхода не будет.

Макс усмехается, но уже без прежнего задора.

— Куда свалить, Стас? За границу работать в макдаке? Да нас найдут быстрее, чем мы до аэропорта доедем. Мы даже не успеем вылететь.

Пауза.

— За нас все решили еще тогда.

Я молчу. Потому что знаю он прав.

Когда пары заканчиваются, в холле нас уже ждет человек отца: строгий костюм, без единой складки; безэмоциональное лицо; холодный, пустой взгляд, от которого становится не по себе.

Он смотрит прямо на меня и коротко произносит:

— Вас ждут. Всех четверых.

Все мои органы скручиваются в тугий узел. Нам уже не отвертеться. Смотрю на своих. Никто не дрогнул. Но в глазах у каждого читается одно и то же: пришло время.

Со «смотрящим» — так я называю человека, отца — мы молча выходим из универа. Переходим через улицу и подходим к черному бронированному микроавтобусу.

В машине каждый молчит, провалившись в свои мысли. С парнями мы дружим с детства, почти с пеленок, и давно

стали друг другу семьей. И сейчас я понимаю: если после всего этого кто-то захочет отойти от дел, сделаю все, чтобы у него появилась нормальная жизнь. Без этого дерьма.

Через двадцать минут машина въезжает на парковку одной из башен «Москва-Сити». Небоскреб принадлежит отцу и его партнерам. Официально там располагаются офисы их «законного» бизнеса — недвижимость и продажа алкогольной продукции. Неофициально это центр управления

Мы зашли в лифт. Смотрящий нажал кнопку 35-го этажа.

Главный офис отца давно перестал быть офисом в привычном смысле. Последние месяцы он больше похож на палату дорогой частной клиники. Отец почти не появляется дома — не хочет, чтобы мама и Даша видели его в таком состоянии.

Когда двери лифта открываются, в нос сразу бьет тяжелый смешанный запах лекарств и табака. Как я и говорил, он так и не бросил курить. Для него никогда ничего не имеет смысла, если это доказывает его неправоту. Даже если это его убивает.

Я делаю глубокий вдох, морщусь и шагаю вперед по коридору. Здесь уже не пахнет деньгами и властью. Здесь пахнет смертью.

Нас ведут в кабинет одного из партнеров отца, чтобы поговорить в официальной обстановке. Отец сидит в массивном кресле за огромным столом. Он сильно похудел. Лицо осунулось, кожа приобрела серый оттенок, глаза потускнели

и ввалились. Я давно его не видел — даже не могу вспомнить, когда заходил в последний раз. От того властного, грозного человека, каким он был раньше, почти ничего не осталось.

Кроме взгляда. Тяжелого, давящего, пронизывающего насквозь. Раньше одного такого хватало, чтобы у меня перехватывало дыхание. А сейчас — ничего. Ни страха, ни привычного напряжения. Я просто устал. Давно перестал бояться. Может, потому, что понимаю — его время подходит к концу. А может, просто окончательно вымотался от этого постоянного давления.

Справа от него сидят партнеры.

Максим Ларионов — отец Кирюхи.

Дмитрий Матвеев — отец Стаса.

Петр Исаев — отец Макса.

— Садитесь, — говорит отец. Голос сиплый, но в нем до сих пор чувствуется прежняя власть.

Мы опускаемся в кожаные кресла напротив. Я замечаю, как парни, как и я, невольно напрягаются. Отец долго смотрит на нас своим тяжелым, оценивающим взглядом, словно проверяет, готовы ли мы услышать то, что он сейчас скажет.

Ни хрена мы не готовы.

— Ваше время пришло, — произносит он наконец. — Больше ждать нельзя.

После этих слов по телу проходит неприятная дрожь. Одно дело — просто думать об этом. И совсем другое — услы-

шать вслух.

— Близится мой конец, — он смотрит на партнеров. — И они тоже хотят отойти от дел. Вы должны быть готовы. Вы — наше будущее.

Он закашливается — сухо, резко, так, что по коже пробегают неприятный холодок. Ларионов подает ему стакан воды, но отец отмахивается, явно злясь на собственную слабость.

— На следующей неделе юрист подготовит бумаги, — отец смотрит прямо на меня. — И ты займешь мое место.

Я знал, что это произойдет. Знал. Но все равно надеялся, что будет хоть немного времени.

— Ты серьезно сейчас? — смотрю ему в глаза. — Мы вроде договаривались, что я сначала закончу универ. Или твои слова уже ничего не значат?

В кабинете становится так тихо, что слышно, как тикают часы на стене. Пацаны переглядываются. Без слов понятно, о чем они думают: «Соколов, ты совсем охуел?»

— Ты сам говорил, что без образования я не смогу нормально вести «официальный» бизнес. Или теперь это уже не важно?

Я понимаю, что перегибаю. Но остановиться уже не могу. Отец прожигает меня тяжелым взглядом. Он явно не ожидал, что я выскажусь при всех.

— Ты видишь, что у меня есть время ждать окончания твоей учебы? — холодно спрашивает он. — Я не могу больше все контролировать.

— А ты уверен, что у тебя хоть что-то под контролем? — усмехаюсь я краем губ. — Потому что со стороны выглядит так, будто ты просто торопишься все спихнуть и свалить.

— Александр! — отец бьет ладонью по столу так, что все вздрагивают. — Хватит паясничать. Универ закончишь. Никто тебя этого не лишает. Но с понедельника ты у руля.

Он слегка поворачивает голову и кивает в сторону высокого мужчины, сидящего чуть поодаль.

— С тобой будет работать Алексей Сафронов. Он тебя всему обучит и будет рядом. Ты можешь полностью ему доверять.

Я перевожу взгляд на Сафронова.

Высокий, крепко сбитый мужик лет сорока. Идеальный костюм-тройка, волосы зачесаны назад, лицо каменное. Он смотрит на меня спокойно, почти равнодушно, но тут я ловлю то, что мне сразу не нравится. Что-то холодное. Расчетливое. Словно он уже решил, как будет меня «воспитывать».

Внутри шевельнулось неприятное чувство. Не знаю почему, но я ему не доверяю. Ни на грамм. Ну ничего, Сафронов. Мы еще посмотрим, кто из нас сильнее.

Отец тяжело вздыхает.

— Я решил вернуться домой, — говорит он. — Провести больше времени с семьей. Мне мало осталось. И я не хочу проводить остаток жизни в больнице или здесь, в одиночестве.

На секунду он снимает маску хладнокровия, и мы ви-

дим его настоящего — уставшего, больного, сломленного. Но это длится всего мгновение. Сжимаю челюсть, чувствуя, как кровь начинает шуметь в висках.

— Отлично, — сам не замечаю, как повышаю голос. — Просто идеально. Значит, ты решил вот так все на меня скинуть и спокойно уйти?

— Я не спрашиваю, Саш, а ставлю перед фактом.

Я тяжело выдыхаю и провожу рукой по лицу, пытаюсь хоть немного остудить кипящую внутри ярость. Можно сколько угодно спорить, психовать, сопротивляться — это уже ничего не изменит. Все решено без меня. Как всегда.

— Понял, — слова даются с трудом, но я их проглатываю. — Сделаем, как ты хочешь.

— Тогда в понедельник вы подписываете документы и берете управление на себя. А мы... — Матвеев делает короткую паузу, — уходим на покой. Пора вам уже брать бразды правления.

Опускаю взгляд, пальцы сами собой сжимаются в кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. Внутри все кипит, ярость и бессилие смешались в тугой, раскаленный ком, но наружу не выпускаю ни единого слова.

Пауза повисает тяжелая, душная.

— Все? — коротко спрашиваю я, даже не глядя на них.

— Все, — отвечает отец.

Больше здесь делать нечего. Разворачиваюсь первым, даже не прощаясь, иду к выходу. Пацаны молча подтягиваются

следом. Дверь за спиной закрывается глухо, почти с ударом.

Мы с парнями выходим на улицу. Воздух холодный, свежий, прошибает насквозь, но мне хотелось бы, чтобы он выбил из меня все это состояние и хоть на мгновение стало легче.

Несколько секунд просто стоим молча. Каждый переваривает услышанное.

— Ну что, поздравляю, — первым говорит Макс. — Теперь ты у нас большой босс.

— Иди нахрен, — бросаю ему не глядя.

Кирюха нервно усмехается.

— Слов нет, конечно. Я до последнего думал, что будет больше времени.

— Все так думали, — тихо добавляет Стас, глядя куда-то в сторону.

Я молчу. В голове слишком много всего: слова отца, его возвращение домой, этот Сафронов.

— Сокол... — Макс прищуривается, явно пытаюсь разобратсья, что творится у меня в голове. — Ты как?

— Нормально, — отвечаю коротко.

Вру, чувствуя, как терпение трещит по швам.

— Твою мать! — меня резко прорывает, голос срывается на крик — Почему все так быстро?! Мы даже пожить нормально не успели! Он снова все решил сам!

Со злостью пинаю камень под ногой. Он отлетает куда-то в сторону.

— Сука! — я резко разворачиваюсь, запрокидываю голову и сжимаю волосы на затылке. — Как же меня все это достало!

Почему именно я? Почему не Сафронов? Он правая рука отца. Он знает систему изнутри. Он мог бы рулить этим дерьмом, а меня бы просто оставили в покое еще на какое-то время. Я не хочу этой ответственности. Не хочу быть тем, кем меня упорно делают. И так всю жизнь — из меня лепят машину, безотказный механизм, винтик в большой системе. А я просто хочу хоть немного побыть нормальным человеком. Почувствовать, каково это — жить, а не выполнять приказы.

— Сокол... — одновременно выдыхают ребята.

Кирюха кладет руку мне на плечо.

— Мы понимаем, — говорит он тихо, но твердо. — Правда понимаем. И мы знали, что этот день придет. Просто... не думали, что так скоро.

Макс хмыкает, как обычно, пытаюсь разрядить обстановку. Он делает шаг вперед, хлопает меня по спине и широко улыбается.

— Нас все равно туда затащат, хотим мы или нет. Но у нас есть неделя. Целая неделя! Давайте проживем ее нормально. Покутим по полной, снимем самых красивых девочек, натрахаемся на год вперед.

— Кучерявый, тебе только бы потрахаться, — бурчит Кирюха, в его голосе слышится легкая усмешка.

— Я люблю секс, а секс любит меня, — подмигивает Макс, демонстративно поправляя воротник рубашки. — А с этой работой, которую нам подкинули, не знаю, будет ли у меня время на мое хобби.

— Последний вздох свободы, пацаны... — тихо добавляет Стас.

От этих слов внутри неприятно тянет, но становится чуть легче. Осознание неизбежного, высказанное вслух, словно снимает часть груза с плеч.

Достаю пачку сигарет, беру одну и закуриваю. Вот ирония: отец умирает от рака легких из-за курения, а я стою и сам дымлю. Обещаю себе, что брошу в ближайшее время, но сейчас без этого никак. Дым обжигает горло, но сейчас это даже, кстати — хоть как-то перебивает этот, ком внутри.

— Слушайте сюда, — смотрю на них по очереди. — Если кто-то из вас после всего этого захочет соскочить — скажите сразу. Я решу.

Они переглядываются.

— Соскочить? — хмыкает Макс. — Ты сам-то в это веришь?

— Да, — честно отвечаю. — Когда настанет время, то вы сможете выйти из игры.

Кирюха качает головой:

— Мы с детства в этом варимся. Поздно уже что-то менять.

— Не забывай, что мы семья, — добавляет Стас. — Ты

же сам понимаешь.

Понимаю. Очень хорошо понимаю.

— Тогда работаем.

Макс хлопает меня по плечу:

— Ну вот, Сокол вернулся. А то я уже думал, ты сейчас психанешь и поедешь батю добивать.

Я усмехаюсь краем губ.

— Рано еще.

Делаю затяжку, выдыхаю дым и добавляю:

— Поеду домой. Хочу побыть один. Башка трещит.

И внутри уже четко понимаю одно. С этого момента все меняется. Назад дороги уже нет.

Мы расходимся без привычных шуток и хлопков по плечу.

Вызываю такси. Наш район находится на самой окраине Москвы. Что-то вроде Рублевки, только на другом конце города. Закрытая территория, охрана, заборы выше любой пятиэтажки. Снаружи — сплошная роскошь. Внутри — золотая клетка.

К пяти вечера подъезжаю к дому. Рассчитываюсь с таксистом и прохожу через ворота. Из дома тянет теплым запахом домашней еды. Мама снова колдует над каким-то изысканным блюдом из своей новой кулинарной книги.

Офигеть, уже время ужина. Как быстро сегодняшний день пролетел. Этот разговор просто выбил меня из реальности. Решаю не заходить сразу на кухню. Не готов к маминим во-

просам, не готов смотреть ей в глаза и врать. Поднимаюсь в свою комнату, бросаю сумку в угол и тяжело падаю на кровать. Закрываю глаза.

Пытаюсь уложить в голове мысль, что с понедельника моя жизнь, которую я хотел, заканчивается. И начинается другая — та, которую я ненавижу всем сердцем.

— Саш, ты как? — раздается тихий голос Даши.

Она осторожно заходит в комнату и садится на край кровати. Моя младшая сестра. В ней я души не чаю. Даша — мой маленький энергетик. Батарейка, которая заряжает меня, когда все летит к черту. Ей всего семнадцать, а понимает она меня лучше многих взрослых.

— Да никак, рыжик... — тяжело выдыхаю. Так я зову ее из-за медных волос и веснушек, рассыпанных по лицу.

— Отец решил уйти на покой. И поставить меня во главе фирмы, — говорю спокойно не срываясь. Рассказываю все как есть. Почти все. Опускаю детали о том, чем именно «фирма» занимается. Эту сторону жизни Даша не знает. И не должна знать. Отец решил так, и я с этим согласен.

— Саш... Мне страшно, — шепчет она. — Я так люблю папу. Я не хочу его терять... — Слезы катятся по ее щекам. Понимаю, как ей сложно принять факт потери, но, к сожалению, не могу разделить с ней это состояние.

С отцом у меня всегда были сложные отношения. А Даша для него — принцесса. Его слабость. Его гордость. Он для нее — целый мир.

— Эй, рыжик... — притягиваю ее к себе, обнимаю за плечи. — Не накручивай раньше времени. Папа с нами.

Чтобы отвлечь ее, меняю тему:

— Как твои писательские дела?

Глаза сразу загораются. Она оживляется, подается вперед, начинает быстро говорить, с большим азартом. Из ее слов понимаю, что профиль уже набрал триста подписчиков, появляются постоянные читатели, кто-то даже пишет развернутые комментарии, разбирает текст. Куча лайков, уведомления сыпятся одним за другим. Она говорит о поступлении, о том, что хочет взять одну из своих работ на вступительные, уже даже прикидывает, какую именно.

Я слушаю, наблюдаю за ней и невольно улыбаюсь. В такие моменты я по-настоящему ей горжусь. Для своего возраста она четко понимает чего хочет, и не просто мечтает, а делает.

— Жалко только, что Милена не будет поступать со мной... — вдруг тише добавляет она и утыкается глазами в рукав кофты.

— Какая Милена? — спрашиваю, хмурясь, не вспоминая ни одной знакомой с таким именем.

Даша закатывает глаза и смотрит на меня так, как будто я только что сказал что-то тупое.

— Ну я же тебе рассказывала! Мы на «Фикбуке»^[1] познакомились. Вместе пишем. Ты что, забыл?

Черт.

Я правда забыл. Слишком много всего сегодня навали-

лось.

— Точно... — провожу рукой по затылку. — Прости. Голова забита учебой и... всем остальным.

Она улыбается, но я вижу: ей немного обидно.

— Ладно. Пойду проверю, писала ли мне Милена. Увидимся на ужине.

— Она точно не фейк? — хмыкаю. — Вдруг это сорокалетний маньяк, а ты с ним общаешься?

Рыжик сразу взрывается смехом, даже откидывается назад.

— Не парься, Саш. Она настоящая.

Даша встает, на ходу поправляет волосы и выходит из комнаты. Дверь тихо закрывается, оставляя после себя тишину.

А у меня в голове остается одно имя — Милена.

Не люблю я эти интернет-знакомства. Слишком много фейков, слишком много иллюзий. Никогда не понятно, кто там на самом деле по ту сторону экрана. Беру телефон, разблокирую, автоматически захожу в «ВКонтакте». Пальцы сами двигаются, хотя я до конца не понимаю, зачем вообще это делаю. Интересно, что это за Милена, о которой Даша говорит с таким огнем в глазах. Захожу к ней в друзья. У Даши их немного, поэтому нужное имя находится сразу.

«Милена Ушакова».

Открываю профиль. И меня будто током бьет.

На меня смотрят ее глаза — зеленые, яркие, до неприличия красивые. В них есть что-то такое настоящее, что цеп-

ляет с первого взгляда и не отпускает.

Листаю фотографии. Чем дольше смотрю, нарастает какое-то ненормальное напряжение. Какого хрена вообще? Это просто фото. Просто девчонка. Но моя реакция говорит об обратном.

Она красивая, очень. Светло-русые волосы чуть ниже лопаток, лицо аккуратное, с мягкими чертами. Губы пухлые, естественные. Видно, что без всей этой дряни, которую коллют мои одноклассницы. Такие вещи я уже за километр считываю. Без тонны косметики, без искусственных ресниц, которые потом осыпаются на подушку. Один раз я проснулся, а рядом лежат чужие накладные ресницы. Меня тогда конкретно передернуло.

Останавливаюсь на фото у озера. Голубое летнее платье, ветер треплет подол, она смеется... и на секунду мне кажется, что я слышу этот смех. Меня пробивает насквозь. Это не просто интерес. Это что-то гораздо глубже. Какое-то странное, почти животное притяжение. Будто я ее уже знаю. Будто мы давно знакомы.

Откидываюсь на спинку кресла, но взгляд снова возвращается к экрану. Интересно, есть ли у нее парень? Быстро пролистываю страницу. Фото с парнем нет, в «семейном положении» пусто. Либо свободна, либо не любит выставлять личное напоказ.

Но от одной мысли, что кто-то может к ней прикоснуться, меня начинает неприятно ломать. Я бы ее никому не пока-

зывал.

И вот здесь я ловлю себя на этой мысли.

Соколов, ты серьезно? Ты только что решил присвоить себе девчонку, с которой даже не знаком?

В голове начинают всплывать слишком яркие и откровенные образы. Отлично, просто охуенно. Она же подруга моей сестры. По факту — под запретом. Но судя по всему, тело и голова на этот запрет плевать хотели.

Снова смотрю на ее фотографию, особенно на глаза, и в груди становится тесно. Сердце колотится быстрее, по телу пробегает дрожь. Такая реакция меня пугает. Так не реагируют просто на красивую девчонку.

Мне нужно о ней больше информации.

Замечаю, что она живет недалеко. Мы могли бы пересекаться. Мы могли...

Провожу ладонью по вискам, пытаюсь сбить это наваждение. Не помогает. Пальцы сами нажимают «Добавить в друзья», и, прежде чем я успеваю передумать, пишу:

Я:— *Привет, зеленоглазик.*

Отправляю. Сообщение уходит. Как только появляется синяя галочка, понимаю: это, наверное, самое тупое сообщение, которое я мог придумать.

Она читает. Но не отвечает.

Интересно, она сейчас пишет Дашке? Сто процентов увидела, что она у нас общий друг. Жду. Минута. Две. Три. Черт. Уже больше десяти минут. Неужели игнорит?

Прохожусь по комнате и останавливаюсь у окна. В стекле отражается мое идиотское лицо. Господи, Соколов, ты серьезно? Подкатываешь к подруге младшей сестры, еще и по интернету. Блеск.

И в этот момент экран загорается.

Милена:— *Зеленоглазик? А мы знакомы?*

Сам не замечаю, как ухмыляюсь. Она не отшивает. Не игнорит. Не посылает. Она отвечает. Плюхаюсь обратно на кровать.

Я:— *Пока нет. Но давай это исправим.*

Ответ прилетает сразу.

Милена: — *Ты звучишь уверенно. А вдруг я не хочу?*

Усмехаюсь. Девчонка с характером. Меня забавляет ее поведение. Милена отвечает с легкой дерзостью, но без пошлости, тупых смайлов и этого дешевого кокетства.

Снова смотрю на фото. Зеленые глаза настолько яркие, похожи на изумруды. Улыбка теплая. Она в моем вкусе.

Я:— *Вдруг хочешь. Ты же ответила.*

Печатает... стирает... снова печатает... снова стирает. Минуты тянутся слишком долго.

И наконец:

Милена:— *Все может быть. Зависит от того, кто ты такой и с какой целью решил мне написать.*

Хмм, я ей интересен. Отлично. Устраиваюсь поудобнее и набираю ответ.

Я:— *Я брат Даши Соколовой. Увидел тебя и решил по-*

знакомиться поближе с подружкой сестры, о которой мне прожужжали все уши.

Опустим тот факт, что еще час назад я о ней вообще не думал.

Милена:— *Знаю, но решила на всякий случай удостовериться. Так проверил, фейк я или нет?*

Она классная. Не замечаю, как уже минут пять сижу с идиотской улыбкой на лице. Значит, Дашка уже все рассказала.

Я:— *Уже сдала меня рыжику?*

Милена:— *Конечно. Мне же тоже нужно знать, фейк ты или нет. В интернете все бывает.*

Я:— *Думаю, мы с тобой уже убедились, что мы вполне реальные люди.*

Я, твою мать, на это надеюсь. Таких в реальности я еще не видел и не хочу упускать шанс...

Милена:— *Ну тогда ты можешь не переживать.*

Я:— *Давай нормально познакомимся?*

Милена:— *Давай познакомимся. Только без тупых вопросов типа «чем увлекаешься» и все такое. По ходу дела пойдем. Лучше расскажи, как прошел твой день.*

Отлично. Я тоже не люблю все эти начальные «чем занимаешься?» и «какое у тебя хобби?». В этом мы похожи, и, черт возьми, она нравится мне все больше.

Я:— *Если честно... у меня сегодня полный пиздец.*

И тут же понимаю, что зря так сказал. Слишком откровенно. Я не собираюсь открываться сейчас перед ней.

Милена: — *Пиздец — это грустно. Но если хочешь, можешь рассказать. Не переживай, я не кусаюсь.*

Вот это ее «кусаюсь» — и у меня в голове сразу появляются картинки, как она кусает меня за...

Так, стоп, Соколов, не туда мысли идут, ты ее знаешь всего несколько минут. Ну девчонка правда очень красивая, что здесь взять, но напрягает другое. Она подозрительно быстро входит в доверие.

«Потому что ты брат ее подруги, идиот», — сразу отзывается голос в голове.

Впервые за долгое время мне хочется говорить. С кем-то, кто вообще не связан со всем этим дерьмом. Правду я ей все равно не скажу, но общие факты рассказать можно.

Я: — *Мой отец возвращается домой из больницы. Он болен. И мне скоро придется занять его место. А я... не готов.*

Она долго отвечает. Я уже думаю, что зря ей про отца написал. И здесь:

Милена: — *Это тяжело. Даша рассказывала, что ваш папа болен. Мне жаль. Честно.*

В этом сообщении не чувствуется жалости. Просто человеческая поддержка.

Милена: — *Не буду пока спрашивать про место, которое ты упомянул, но ты имей ввиду, что я — особа любопытная.*

Я: — *Ты не любопытная, а дерзкая. И мне это нравится.*

Милена: — *Нет, я прямолинейная.*

Она меня цепляет. Еще как цепляет.

Милена:— *А вообще, если хочешь, можешь писать мне, когда станет тяжело. Я умею поддерживать. Планирую поступать на психолога-логопеда. Несмотря на то, что больше буду работать с детьми,*

но психологию уже изучаю. Подберу правильные слова. Могу быть твоим другом по переписке, как для Дашки.

Вот здесь я должен насторожиться. Психолог плюс красивая девушка, от которой уже кроет крышу, — опасная комбинация. Но вместо страха или даже опасности я чувствую облегчение. Мне не хватает человека, который далек от всей этой тьмы и просто может выслушать.

Во мне поднимается странное чувство. Непривычное. И не знаю, бояться ли мне его. Я не собирался заводить отношения, но что-то мне подсказывает: с Миленой все будет по-другому.

Я:— *Хочу.*

Милена:— *Тогда давай будем друг друга поддерживать в дерьмовые дни.*

Я снова улыбаюсь, как последний придурок. И пишу то, что сейчас максимально честно описывает мое состояние:

Я:— *Похоже, я вляпался, зеленоглазик.*

^[1]Фикбук — это русскоязычная интернет-платформа, на которой пользователи публикуют фанфики, оригинальные

произведения, ориджиналы, стихи и другие литературные работы, а также читают, комментируют и оценивают творчество авторов.

Глава 3

МИЛЕНА

13.04.2018

(Настоящее время)

— Мы можем поговорить.

Я стараюсь, чтобы голос звучал ровно и спокойно, но внутри все дрожит. Сердце бьется так сильно, что, кажется, он может это услышать. Сжимаю пальцы в кулаки за спиной, чтобы хоть немного унять эту дрожь.

Эта встреча — просто недоразумение. Я повторяю это про себя как мантру. Нужно быстро все уладить и уйти. Но когда я увидела его в дверях комнаты Антона, у меня на секунду перехватило дыхание. Настоящий шок. Будто время внезапно отмотало назад на пять лет.

Соглашаясь работать с Антоном, я сразу предупредила Дашу: я не хочу встречаться с ее братом. Предлагала проводить занятия у себя, но для ребенка важна привычная обстановка. Поэтому я пошла на этот риск. Ради Даши. Ради Антона. И теперь вот стою здесь и чувствую, как почва уходит из-под ног.

Пять лет. Целых пять лет я старательно вычеркивала его из своей жизни. Пять лет молчания. Пять лет, когда я заставляла себя не думать, не вспоминать, не чувствовать. А сейчас он стоит передо мной — живой, настоящий, и все, что я

так тщательно прятала, начинает трещать по швам.

Он смотрит прямо на меня. В его лице столько гнева, боли и обиды, что становится трудно дышать. Я боюсь не его. Я боюсь себя. Боюсь, что если позволю себе хоть на секунду расслабиться, вся эта тщательно выстроенная стена рухнет, и я снова почувствую то, что чувствовала тогда.

Заставляю себя выдержать его внимание. Не моргать. Не отворачиваться. Лицо остается почти спокойным, хотя по телу волной расходится паника.

Я не имею права показать настоящие эмоции. Он не должен ничего узнать. Контроль — это единственное, что у меня сейчас есть, и я держусь за него изо всех сил. Я больше не та девочка из переписки. Научилась держать дистанцию, не реагировать на провокации, смотреть людям прямо в глаза. Жизнь хорошо меня этому научила. Но стоит мне попасть в омут его карих глаз, и я снова превращаюсь в ту семнадцатилетнюю Милену, которая влюбилась в парня через сообщения.

Какой же он стал... Взрослый. Сдержанный. Опасный. Передо мной стоит настоящий мужчина. И очень красивый мужчина. Черная рубашка плотно облегает широкие плечи и грудь. Этот цвет делает его еще жестче и строже. Две верхние пуговицы расстегнуты, открывая линию ключиц, рукава закатаны до предплечий, обнажая сильные руки с выступающими венами. Черные брюки сидят идеально, подчеркивая длинные ноги. Все в нем выглядит дорого, уверенно и... пу-

гающе притягательно. Темно-каштановые волосы, чуть волнистые, небрежно падают на лоб. Четкие скулы, жесткая линия челюсти, легкая щетина. Он больше не выглядит как парень из моих воспоминаний.

Я так надеялась, что все прошло. Что переболела. Что это осталось в прошлом. Но ничего подобного. Стоит ему посмотреть на меня — и весь мой хрупкий контроль летит к черту. И это безумно пугает.

— Милен, скажи, как Антон? — спрашивает Саша, глядя мне прямо в глаза. — Все психологи, которые приходили, только пожимали плечами. Никто не понимает, почему он перестал говорить.

Я знаю, в чем может быть причина. И не понимаю, почему остальные специалисты так легко сдались.

— Мне Даша рассказала в общих чертах, что произошло, — начинаю я спокойно и уверенно. — У Антона сильный стресс из-за развода родителей. В три года для мальчика особенно важно присутствие отца. Именно в этом возрасте начинает формироваться базовая половая идентичность. Он бессознательно ищет мужскую модель поведения.

Соколов смотрит на меня так, будто я говорю на иностранном языке.

— Ничего не понял. Так почему он говорить-то перестал? — спрашивает он, складывая руки на груди.

Как же тяжело иногда с мужчинами... Я выдыхаю, на секунду сжимаю переносицу двумя пальцами и продолжаю уже

проще:

— Уход отца стал для него мощным ударом. Нервная система отреагировала очень резко — произошел откат. Речь стала защитным механизмом. Организм как будто сказал: «Здесь небезопасно» и вернулся в более раннее, безопасное состояние.

Саша слушает внимательно, не отводя взгляда. Слишком пристально. Это начинает меня раздражать и... волновать одновременно.

— Вот же гад этот Валера, — тихо рычит он. — Нагадил так нагадил... И что теперь делать?

— Работать, — отвечаю я спокойно. — Я составлю план по запуску речи, и мы будем ему строго следовать. Будет хорошо, если ты тоже подключишься. Насколько я поняла, отец Антона участвовать не собирается, а мальчику очень нужна мужская фигура. Думаю, через месяц-два мы увидим первые результаты.

Я не хочу часто пересекаться с Соколовым. Но Антону он действительно нужен.

— Да, конечно, — кивает Саша. — Я, в принципе, ради этого и приехал. Даша позавчера позвонила, плакала в трубку, говорила, что ничего не получается, все только руками разводят. Сказала, что последняя надежда — на девушку, которая уверена, что сможет помочь.

Он криво усмехается, но в этой усмешке сквозит едва заметная горечь.

— Я сразу выехал. Захотелось самому убедиться, что Антону действительно помогут. А если нет..., то забрать их с Дашей в Москву и там уже буду решать проблему.

— Даша не знала, что ты приедешь?

— Нет. Хотел сделать сюрприз, — он иронично приподнимает уголок губ.

— Только, похоже, сюрприз сделали мне.

Между нами повисла тяжелая тишина. Мы вели немой диалог. Каждый пытался прочесть другого. Интересно, как он жил эти пять лет? Сделал ли то, что требовал от него отец? Я знаю лишь, что он занимается семейным бизнесом. А музыка? Он все еще играет с друзьями или окончательно забросил?

Когда мы с Дашей возобновили общение, я сразу попросила ее ничего мне о нем не рассказывать. И сама попросила не говорить ему обо мне. Так было правильно. С самого начала у нас были разные жизни, а потом обстоятельства показали: единственно разумное решение — все прекратить.

— Мы так и будем молчать? — вздыхает Саша, не сводя с меня глаз.

Хочется отвернуться. Очень хочется. Но не получается. Что-то в нем по-прежнему действует на меня слишком сильно. Собираю всю волю в кулак и наконецрываю этот зрительный контакт.

— Нет, — прерываю тишину. — Я уже уйду. Диагностику Антону провела, попрощаюсь с Дашей и поеду домой со-

ставлять план. Пока.

Слова вылетают слишком быстро. Я разворачиваюсь, но в этот момент он хватается меня за локоть и резко тянет назад. Я утыкаюсь в его грудь и чувствую его запах — теплый, глубокий, с древесной ноткой, легким табаком и свежестью мяты.

Господи... Сердце болезненно сжимается, в глазах начинает щипать. Раньше я так часто мечтала вдохнуть этот запах вживую... И вот сейчас эта мечта становится реальностью.

С одной стороны, я хочу с ним поговорить. Хочу все рассказать, задать вопросы, которых накопилось на вагон и маленькую тележку. Но с другой — тогда придется говорить правду. А этого допустить нельзя.

Почему мне так тяжело рядом с ним? Пять лет прошло. У меня своя жизнь, которую я выстраивала по крупицам, но стоило ему снова появиться, и все чувства, которые я так долго давила, снова накрывают с головой.

Нужно взять себя в руки.

— Зеленоглазик... — шепчет он.

Это прозвище цепляет слишком глубоко. Как будто он, одним словом, нажал на самую больную кнопку.

Но я держусь.

— Саш, отпусти. Мне нужно поговорить с Дашей.

— А со мной ты поговорить не хочешь? — его голос становится ниже, почти интимным, а губы едва касаются мочки моего уха.

Чувствую его горячее дыхание на коже. Тело предает ме-

ня быстрее, чем разум. По позвоночнику пробегает острая дрожь, я резко втягиваю воздух, а сердце начинает колотиться так, будто хочет вырваться. Только бы он не заметил, как я на него реагирую. Нужно уходить. Срочно. Иначе я точно наделаю глупостей.

— Нам не о чем говорить. Все, что могли, мы уже обсудили.

Вырываюсь из его хватки и быстрым шагом иду на кухню. Влетаю туда, едва не спотыкаясь, и прижимаю ладонь к груди, пытаюсь унять бешеный стук сердца. Я не должна так реагировать на него. Не имею права. Но тело меня не слушает.

Даша смотрит на меня испуганно, и я понимаю почему — наверняка все написано у меня на лице.

Хочется вытрясти из нее всю правду. И если именно она устроила эту встречу, разговор будет очень долгим... но позже.

Сейчас есть дела поважнее. Нужно решить, где проводить занятия с Антоном. Мне точно нельзя больше пересекаться с Соколовым. Нужно свести наши встречи к минимуму. Лучше — к нулю.

Моя жизнь только начала налаживаться. Я, наконец, строю отношения с парнем, который мне дорог. После Саши и всего, что со мной случилось, мне было очень тяжело кому-то довериться.

И как по закону подлости появляется он. Еще и требует объяснений. Только какие объяснения я могу ему дать? Из-

за него я полностью поменяла свою жизнь, исчезла, как меня и просили.

Что он теперь от меня хочет? Этот упрямый баран явно не отступит. Чувствую всем своим нутром: скоро случится настоящий апокалипсис.

Саша:

Она просто разворачивается и уходит. Без единого слова, как будто, между нами никогда ничего не было, словно я для нее пустое место. И это, черт возьми, бьет сильнее пощечины.

Стою как идиот и смотрю ей в спину, а сердце колотит так, как будто хочет проломить ребра.

Конечно, я сам сказал, что кроме Антона нам больше не о чем разговаривать. Сказал на эмоциях, но до сих пор не могу поверить, что Милена сейчас здесь. Реальная. Живая. Что стоит только протянуть руку — и смогу коснуться ее, почувствовать тепло кожи, убедиться: это не плод моего больного воображения.

Когда я схватил ее за запястье, по руке прошел мощный разряд, будто током ударило. Тот самый, знакомый до дрожи. Такой же, как пять лет назад, когда я впервые увидел ее фото в том голубом платье и у меня полностью снесло башню.

А ее запах... Боже. Теплый, сладкий, с мягкой клубничной ноткой. Не приторный, а нежный, обволакивающий. В переписках она тысячу раз рассказывала, как обожает этот

аромат, как скупает все шампуни, гели и кремы с клубникой. И, сука, ничего не изменилось. Спустя пять лет она до сих пор пахнет точно так же.

И меня это бесит до скрежета зубов. Бесит, что я помню такие мелкие, глупые детали. Бесит, что они до сих пор сидят у меня в голове, хотя я должен был давно выкинуть их к чертям. Бесит, что одно ее присутствие превращает меня в того самого парня, который когда-то ночами не спал из-за сообщений от нее.

Она говорит, что будет работать с Антоном месяц-два. Значит, у нас есть время. И за это время я точно узнаю, что произошло тогда и почему она исчезла. На этот раз просто уйти ей не позволю.

Захожу на кухню. Милена и Даша что-то бурно обсуждают, но при моем появлении обе резко замолкают.

Интересно.

— Ну что, братик? Понравился тебе сюрприз? — с издевкой спрашивает Даша, косо поглядывая на Милену.

Та отворачивается и спокойно допивает чай, будто меня здесь вообще нет.

— Сюрприз огонь, рыжик, — пожимаю плечами. — Но ты могла бы и предупредить. Некрасиво получилось.

И это еще очень мягко сказано. Если бы я знал, что психолог — Милена, приехал бы вообще? Хрен его знает. Скорее всего, начал бы прокручивать все в голове, искать повод не ехать. И тогда сделал бы самую большую ошибку.

— То, что ты чуть ли не напугал моего сына, я уже слышала, — продолжает Даша, сверля меня взглядом. — Хорошо, что Милена все объяснила и нам не добавилось проблем.

В ее глазах я уже виноват по всем фронтам. Отлично.

— Ладно, Даш, я пойду, — перебивает нас Милена. — Меня Олег уже заждался, нужно подготовиться к завтрашнему семинару. По поводу занятий созвонимся завтра.

Олег?

По реакции рыжика понимаю — она в курсе, о ком речь. И в голове сразу вспыхивает один-единственный вопрос: кто такой, мать его, Олег?

— Я провожу тебя, — говорю я.

— Нет, я дойду сама. Здесь недалеко, — резко отрезает она.

— Уже поздно. Вдруг что-то случится. Тебя ведь никто не встречает.

Намекаю, что этот ее Олег даже не подумал, как его девушка будет добираться вечером домой. Его, блядь, девушка. Не моя. Его. От одной этой мысли челюсть сводит от злости.

— Зачем тебе меня провожать? Я могу дойти сама, — упрямо повторяет она.

— Затем, — коротко отвечаю я. — Давай без споров. Ты же вроде спешишь.

Она тяжело вздыхает, явно сдаваясь.

— Ох, хорошо. Все равно ты не отстанешь.

Не отстану. В этом мы с ней очень похожи. Только я упрямее.

Милена встает, берет сумку, обнимает Дашу. Проходя мимо меня, она старается держаться подальше, будто боится, что я могу ее обжечь одним прикосновением.

Я смотрю на нее и чувствую не только желание. Я злюсь. Злюсь на ее побег пять лет назад. На ее холодность сейчас. Злюсь, что она решила все за нас обоих. Злюсь на Дашу за этот «сюрприз». И особенно злюсь на этого неизвестного Олега, который имеет на нее хоть какое-то право.

Судьба дает нам шанс во всем разобраться. И я этот шанс не упущу. Узнаю, что тогда случилось. А потом уже мы вместе будем решать, как нам быть дальше.

Она говорит, что, между нами ничего не было. Только если бы правда ничего не было — она бы меня так не избегала. А я не буду Соколовым, если не доберусь до истины.

Глава 4

САША

13.04.2018

(Настоящее время)

Как только дверь квартиры захлопывается за нашей спиной, мы остаемся в тишине подъезда. Слышно только наше дыхание. Свет приглушенный, и только кнопка вызова лифта ярко светится в полумраке.

Наши руки тянутся к ней одновременно. В тот момент, когда кончики пальцев едва соприкасаются над холодным пластиком, меня резко прошибает. Будто по венам пустили электричество.

И не только меня.

Милена вздрагивает всем телом и резко отдергивает руку. В ее широко распахнутых глазах отражается тот же шок, который сейчас испытываю я. Вижу, как она нервничает, как кусает нижнюю губу. И, черт, это выглядит так сексуально, точно, как в моих фантазиях. Мне так хочется самому ее укусить. Не просто укусить, а медленно покусывать эту губу, почувствовать ее вкус.

Говорит, ничего не чувствует? Врет.

Я внимательно рассматриваю ее лицо, отмечая каждую эмоцию, каждое движение, каждую мелочь.

Твою мать... Какая же она красивая. До сих пор не верю,

что она здесь, рядом. Что мы стоим так близко, и я чувствую ее дыхание.

И тут же в голову лезет мысль, от которой меня буквально перекручивает: сейчас она пойдет к Олегу. К какому-то Олегу. У нее есть другой мужчина. К ней прикасался другой. Не я был у нее первым. Не мне она доверилась. А какому-то хрен знает кому.

И я уже его ненавижу. Наверняка весь такой правильный. С прилизанной прической, идеально выглаженной рубашкой и дешевым приторным парфюмом.

— *Ну а что ты хотел, Соколов?* — внутренний голос звучит издевательски. — *Пять лет прошло. Конечно, у нее кто-то есть. Не в монашки же она пошла.*

Хотя я был бы не против такого расклада. Тогда бы точно знал, что у нее никого нет и не было.

Меня бесит сам факт, что у нее другой. От меня она отказалась, а с каким-то хреном построила отношения. Сколько они вместе? Он ее одnogруппник или вообще левый тип с улицы? В голове столько вопросов, что она сейчас взорвется.

Резко раздается сигнал лифта, двери разъезжаются. Милена заходит быстро, почти прячется в дальний угол, прижимается к холодной серой стене. Она специально делает вид, что рядом с ней стоит какой-то незнакомец.

Захожу следом, нажимаю кнопку первого этажа. Двери закрываются, и мы остаемся вдвоем в замкнутом пространстве. Атмосфера только накаляется. Тишина не просто давит

— она душит.

Смотрю, как она теребит край куртки аккуратными пальцами и все также закусывает губу. Блядь. Зачем она это делает? Я же не железный. Слишком тяжело держать себя в руках, когда спустя столько лет рядом стоит женщина, которую ты любил, желал и после ее исчезновения даже не надеялся снова увидеть.

Но сейчас не об этом. Мне нужно все выяснить, пока она снова не надумала сбежать. Хорошо, что Даша живет на семнадцатом этаже. Есть время начать разговор. А дальше в машине продолжу. И она не уйдет, пока я не получу ответы.

Если я раньше мог сомневаться, что я везунчик, то сейчас в этом уверен на все сто процентов. Благодарен всем, кто там наверху — сегодня они явно играют на моей стороне.

Лифт резко дернулся и остановился. Свет моргнул, табло застыло между этажами. Я поднимаю глаза на цифры и понимаю — мы застряли. Вот теперь у нас точно есть время поговорить и бежать ей некуда.

— Что случилось? — Милена резко оглянулась, глаза расширились. — Мы что, застряли? — В голосе уже слышится паника.

— Подожди. «Не накручивай себя, — говорю я как можно спокойнее. — Сейчас узнаем у диспетчера, что произошло.

Нажимаю кнопку. Женщина ответила почти сразу, усталым голосом сообщила, что такое у них бывает несколько раз в неделю. Мастера приедут. Ждать минут тридцать. Трид-

дать минут. Смотрю на Милену. Она действительно испугалась. Глаза блестят, дыхание учащается. Еще чуть-чуть — и расплачется.

Терпеть не могу женские слезы. А ее — тем более. Когда-то, услышав, как она плачет в трубку, у меня самого ком вставал в горле от беспомощности. Потому что я мог утешить ее только словами.

— Иди сюда, — говорю я, чуть разводя руки.

Она настороженно смотрит на меня.

— Хватит так смотреть. Ты сейчас разреवेशься, а я не выношу женских слез. Я просто хочу тебя обнять. Мои обнимашки всегда успокаивают, — подмигиваю и развожу руки шире.

— Видимо, многих ты успокаивал, раз знаешь, — тихо бросает она.

— Уже ревнуешь? — спрашиваю, изогнув одну бровь.

— Пфф, больно ты мне нужен, — встает в закрытую позу, скрещивая руки на груди.

— Милен, не упрямясь. Ты дрожишь, а объятия помогут. Тебе станет легче, точно говорю.

Если бы пацаны сейчас меня увидели, решили бы, что у меня окончательно поехала крыша. Стою и уговариваю девушку просто обняться.

— Я... не знаю, — она мнетяся.

Уже думаю, что сейчас отойдет еще дальше, хотя дальше уже некуда. Но Милен меня удивляет. Резко делает шаг впе-

ред и прижимается ко мне, крепко обхватив руками.

— Спасибо.

На секунду я теряюсь, потом обнимаю ее в ответ. Она едва достает мне до подбородка. Утыкаюсь носом в ее волосы и вдыхаю глубже — тот самый запах клубники. Обнимаю крепче, и она прижимается сильнее. Несколько минут стоим молча, каждый в своих мыслях. И вдруг меня накрывает осознание.

Сегодня тринадцатое апреля. Тот самый день.

— Милен, а какое сегодня число? — спрашиваю, проверяя, помнит ли она.

— 13 апреля. А что?

Она действительно не понимает или делает вид?

— Пять лет, Милен... сегодня ровно пять лет.

Слегка отстраняюсь, чтобы посмотреть ей в глаза, сейчас они ярко-зеленые, но в них уже проступает влага. И я понимаю, она сейчас снова заплачет, но не от страха, а от воспоминаний, которые накрывают ее с головой.

Она вспоминает... нас.

Этот день я никогда не забывал.

Каждый год тринадцатого апреля я превращаюсь в призрака. С самого утра меня не отпускает это тянущее чувство, будто старый шрам, который никогда полностью не заживает. Я знаю, что будет дальше, и все равно иду в клуб. В свой клуб.

Пацаны давно поняли правило: в этот день меня лучше

не трогать. отключаю телефон, сажусь в дальний VIP-угол, заказываю бутылку и пью. Не для удовольствия. Пью, чтобы заглушить то, что внутри. Чтобы хоть на несколько часов забыть, что пять лет назад в этот день я должен был встретиться с ней. С Миленой. С моей зеленоглазой.

Вместо этого я тогда потерял ее на целых пять лет.

Пацаны всегда знают, где меня искать. Под утро Макс или Стас приезжают, молча вытаскивают меня из клуба. Я никогда не сопротивляюсь. Они отвозят меня домой, укладывают в кровать и уходят, не сказав ни слова. Им я могу доверить свою жизнь, поэтому позволяю себе так наклюкаться только раз в году.

— Точно... — выдыхает она, опуская голову и смахивая слезинку, потом отходит от меня на расстояние. — Как быстро летит время. Будто все было вчера.

— Давай поговорим.

Я не спрашиваю, а ставлю перед фактом.

— О чем, Саш? У нас не было ничего, кроме переписки. Мы были просто друзьями.

Твою мать. Она серьезно? О таком друзья не говорят. И такого друг к другу не чувствуют.

— Ты смеешься? — убираю руки в карманы брюк и делаю шаг к ней. — Между нами было совсем не дружеское. Я был влюблен в тебя. Как идиот любил девчонку, которую даже ни разу не видел.

— О какой ты любви говоришь?! — ее голос срывается, в

нем появляется злость. — Мы просто общались! Да, может, была какая-то детская влюбленность, но это не любовь.

Наверное, весь подъезд сейчас слышит, как мы орем в застрявшем лифте, но мне плевать. Мы отсюда не выйдем, пока не разберемся.

— Да блядь, я говорю о любви! — срываюсь. — Я любил тебя, дура. Когда ты исчезла, я начал тебя искать, приехал к тебе, хотя ты всегда была против нашей встречи, и я до сих пор не понимаю почему. Я поднял все свои связи, чтобы узнать твой адрес, приехал на следующий день к твоему дому, как идиот, а тебя там уже не было. Мне сказали, что ты уехала. Ты просто написала: «Саш, нас больше нет».

Милена смотрит на меня широко раскрытыми глазами, в шоке, да я и сам недалеко от нее ушел — вываливаю все, что копилось годами.

— Я не знала, что ты приезжал. Когда я тебе это написала, уже собирала чемоданы и в этот же день уехала в Краснодар, — говорит она, глядя мне в глаза. — Но, если ты нашел мой адрес и приехал, почему не продолжил искать? Ты знал, что я мечтаю сюда переехать. Почему не поехал за мной в Краснодар?

— А смысл? Когда я не нашел тебя дома, хотел продолжить поиски, но Даша сказала, что ты не хочешь больше и с ней общаться. Если ты все оборвала с лучшей подругой, то, о чем вообще речь? Ты бросила ее. А я для тебя был, как ты говоришь? — постукиваю пальцем по подбородку. — Точно.

Просто друг. Так зачем мне было искать просто друга?

— Да, ты прав, — отрезает она. — Ты не обязан был искать девушку, которая исчезла без объяснений. Особенно если для нее ты был всего лишь другом.

Она издевается надо мной. Специально меня провоцирует? Ну пускай продолжает дальше. Мне сейчас важнее узнать ответы на свои вопросы. В первую очередь выяснить, что не дает мне нормально жить все эти гребаные пять лет.

— Меня мучает один вопрос. Пять лет. Раз уж сегодня у нас, можно сказать, годовщина — сделай мне подарок и ответь честно.

— Какой вопрос? — спрашивает растерянно.

— Почему ты исчезла, ничего не объяснив? Скажи правду.

Милена отворачивается, губы дрожат, она на грани. Я не ничего не понимаю. Говорит, что я был просто другом, но тогда, почему так реагирует?

— Нет, Саш... — тихо. — Не могу тебе ответить на этот вопрос. Прости.

Значит, дело не в отсутствии чувств. Значит, там есть что-то еще. Она может говорить что угодно, но я вижу, как она на меня реагирует. Даже сейчас.

— Тогда я требую другой подарок на годовщину, — резко притягиваю Милену к себе за талию. — Тот, который должен был получить от тебя на двадцать один год. Готов взять его сейчас.

Наклоняюсь и впиваюсь в ее губы.

Я был готов к тому, что она оттолкнет, ударит или отвернется. В первые секунды так и происходит: она упирается ладонями мне в грудь, пытаясь отстраниться. Но я не отпускаю. Прижимаю сильнее.

И Милена снова меня удивляет. Она отвечает. Сначала неуверенно, робко, словно пробует на вкус. А потом сдастся. Я притягиваю ее еще ближе, углубляя поцелуй. Одна рука крепко держит за талию, вторая скользит в волосы. Они невероятно мягкие, словно шелк. Пальцы погружаются в них, сжимаются в кулак, задавая удобный угол.

Милена вцепляется в ворот моей рубашки и начинает отвечать увереннее. Из ее горла вырывается протяжный стон, и у меня окончательно срывает крышу. Я отрываю ее от пола и прижимаю спиной к стене лифта. Она мгновенно обхватывает меня ногами за бедра, не разрывая поцелуя. Целует отчаянно, горячо, прижимается всем телом. Ее пальцы впиваются мне в волосы, сжимая до приятной боли. Наши языки сплетаются жадно, не уступая друг другу. Ее губы такие мягкие, теплые, податливые... именно такими, какими я их себе представлял все эти годы.

Сука... Реальность оказывается в несколько раз слаще всех фантазий.

Пять лет я мечтал, как буду целовать именно эти губы, как она будет таять у меня в руках. И сейчас это происходит на самом деле. Раздается сигнал. Лифт останавливается, двери

начинают медленно разъезжаться. Мы настолько увлеклись, что даже не заметили, как он поехал.

— Саш... — она резко отстраняется, тяжело дыша. Глаза у нее растерянные. — Это ошибка... прости.

Милена отталкивает меня и выбегает из лифта. Снова убеждает.

А я остаюсь стоять как истукан. Не бегу следом, не окликаю. Просто стою посреди открытого лифта и пытаюсь понять, что, черт возьми, сейчас произошло.

Глава 5

САША
Май 2013
(Прошло)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.